

Карнишин Валерий Юрьевич

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассмотрены особенности политического аспекта модернизационного процесса в позднеимперской России. Особое внимание обращено на современные подходы и оценки специфики политического процесса в контексте попыток реформирования страны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. IV. С. 91-94. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

логике Платона, люди в силу недостаточности знаний могут не понимать, что необходимо в их же собственных интересах: в конечном итоге, это достижение блага самого по себе. Целью существования общества у Платона было обеспечение восхождения человеческой души через цепочку перерождений к сфере умопостигаемой реальности, являющееся целью индивидуальной судьбы [3]. В таком контексте становится очевидным, что высказывание Гальтона о целях евгеники как о «поддержке эволюции» не имеет естественнонаучного смысла. Заметим, что согласие людей на позиционные улучшения потомства весьма вероятно, в отличие от поступления частными интересами в пользу «интересов расы», каким бы образом таковые не были бы сформулированы.

Вывод. Обоснование ценностных суждений в метафизике не отличается принципиально от рассуждений Платона об абстрактном благе. Трансгуманизм, подобно гальтоновской евгенике, включает телеологически нагруженные утверждения. Представляется, что основные положения трансгуманизма могут быть сформулированы таким образом, чтобы исключать метафизическое представление о целях существования человеческого вида, особом онтологическом статусе и предназначении человеческого интеллекта, но при этом сохранять свой эмпирический смысл и побудительную роль в пользу улучшения качества жизни и человеческих способностей средствами технологии.

Список литературы

1. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. Л.: Наука, 1991. 539 с.
2. Платон. Государство. Книга пятая // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. Т. 3. Ч. 1. С. 278.
3. Платон. Федр // Там же. Т. 2. С. 161-228.
4. Bostrom N. Existential Risks: Analyzing Human Extinction Scenarios and Related Hazards [Электронный ресурс] // Journal of Evolution and Technology. 2002. Vol. 9. March. URL: <http://www.nickbostrom.com/existential/risks.html>
5. Ettinger R. Man into Superman [Электронный ресурс]. Palo Alto (California): Ria University Press, 2005. 428 p. URL: <http://www.cryonics.org/contents2.html>
6. Galton F. Hereditary Genius: an Inquiry into Its Laws and Consequences. London - New York: Macmillan and Co., 1892.
7. Galton F. Inquiries into Human Faculty and Its Development. London: JM Dent & Co., 1907.
8. Huxley J. New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957. P. 13-17.
9. Joy B. Why the Future Doesn't Need us [Электронный ресурс] // Wired. 2000. April 8. URL: <http://www.wired.com/wired/archive/8.04/joy.html>
10. Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. New York: Viking Adult, 2005. 672 p.
11. More M. Principles of Extropy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.extropy.org/principles.htm>
12. More M. Transhumanism: towards a Futurist Philosophy. Extropy 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.maxmore.com/transhum.htm>
13. Russell B. Icarus, or The Future of Science [Электронный ресурс]. New York: E. P. Dutton & Co., 1924. URL: <http://cscs.umich.edu/~crshalizi/Icarus.html>

TELEOLOGICAL BURDEN OF TRANS-HUMANISM PHILOSOPHY

Dmitrii Konstantinovich Kazennov

Department of Philosophy and Methodology of Science
Saratov State University named after N. G. Chernyshevskii
heaven0@yandex.ru

The article reveals teleologically burdened statements in the structure of trans-humanists' philosophical views. The author emphasizes the metaphysical and non-scientific status of the teleological statements about the evolution and fate of humans and makes the conclusion that trans-humanism can be reformulated with the purpose of excluding metaphysical statements.

Key words and phrases: trans-humanism; eugenics; genetic engineering; teleology; analysis of judgments.

УДК 94(47).083

В статье рассмотрены особенности политического аспекта модернизационного процесса в поздней имперской России. Особое внимание обращено на современные подходы и оценки специфики политического процесса в контексте попыток реформирования страны.

Ключевые слова и фразы: модернизация; Николай II; П. А. Столыпин; финансы; правительство; реформы; дворянство; предприниматели; Государственная дума; исполнительная власть.

Валерий Юрьевич Карнишин, д.и.н., профессор
Кафедра истории отечества, государства и права
Пензенский государственный университет
valerykarnishin@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА®

Осмысление феномена модернизационного процесса достаточно очевидно с учётом фундаментальных глобализационных изменений, столь ярко изменивших облик мира в конце XX - начале XXI в. Экспертным

сообществом проявлен особый интерес к изучению модернизационной парадигмы не без влияния необходимости принятия институциональных решений во внутренней политике современной России. В этой связи правомерно обращение к исследованию исторической ретроспективы модернизации с учетом постижения уроков взаимодействия государства и общества в условиях переходного этапа развития позднеимперской России.

Прежде всего, напомним о том, что подходы к концептуализации понятия «модернизация» отличаются достаточно широким многообразием. Исторические определения ориентированы на описание процессов, посредством которых осуществляется модернизация. Дихотомические определения трактуют модернизацию как переход от традиционного состояния общества к индустриальному (современному). Индустриально-технические определения акцентируют внимание на трансформации инструментов и способов освоения и контроля над окружающей средой, технологическим процессом. Культурологические определения ориентируют на необходимость изучения особой социокультурной ориентации, присущей процессу модернизации. Достаточно широкую известность в течение последних десятилетий получили интерпретации модернизации как распространения особой цивилизации - *modernity*, что, в конечном итоге, обусловило формирование всеобщих, мировых институциональных и символических рамок [6, с. 11-14].

Означает ли трансформация традиционного общества в современное отказ от базовых ценностей, соединяющих социальные страты? Следует ли понимать модернизации под углом зрения исключительно европоцентризма? Эти и другие вопросы представляют собой важные составляющие полемики, ведущейся на страницах научных изданий и на конференциях различного формата. Отметим, что теоретико-методологические основы модернизационной перспективы включают в себя такие её характеристики как комплексность, системность, глобальность, революционность, протяжённость, гомогенность, необратимость, прогрессивность [Там же, с. 28-30].

Динамика реформаторского процесса в начале XX в. определялась важной составляющей модернизационного процесса - его политическим фактором. Опыт изучения российской модернизации позднеимперского периода позволяет сделать вывод о том, что для неё было характерно игнорирование императором Николаем II необходимости изменений в политической системе. Возникновение на рубеже XIX-XX вв. первых нелегальных партий - РСДРП и ПСР, забастовочная активность рабочих в условиях экономического кризиса, аграрное движение, начавшееся в 1905 г., первая революция с калейдоскопом событий свидетельствовали о резком возрастании роли политики в общественной жизни. В этой связи, на наш взгляд, нуждаются в осмыслении такие проблемы как перспективы реформирования в условиях политической стабильности (нестабильности), создание институциональных условий для обеспечения преобразований, взаимоотношение государства и общества в переходный период.

Программа реформ, выдвинутая П. А. Столыпиным, представляла собой совокупность системных мер, призванных обеспечить стабильное развитие страны на основе сочетания (сохранения) монархических традиций, особой роли государства и системных реформ, адекватных новым реалиям мирового развития. Подобный синтез обусловил определение типа модернизации в позднеимперской России как консервативно-либерального [7, с. 232-233].

Указанный синтез определил судьбу реформ и судьбу самого реформатора. В монографии американского юриста С. Уильямса, посвященной аграрной реформе П. А. Столыпина и названной «Либеральные реформы при нелиберальном режиме», содержится небезынтересное резюме: «Хотя либеральные режимы редко, а может и никогда, не идут на добровольный отказ от власти, они добровольно идут на меры, ведущие к либерализации. Естественно, что шансы на это больше всего там, где перспектива ослабления власти существующей элиты весьма сомнительна. Столыпинские реформы стали возможны именно потому, что не обещали непосредственного ущемления власти тех, кто стоял во главе государства» [10, с. 272-273].

Каково было отношение к реформам Николая I? Думается, ответ на этот вопрос, на который было нанесено нагромождение мифов, апокрифов, должен быть дан на основе тщательного изучения мировоззрения и содержания принятых решений в конкретной политической реальности на основе рационального подхода, лишённого политизации и создания новых мифов. В этой связи обратим внимание на выводы петербургского историка С. В. Куликова: «Последний самодержец проводил реформы не под давлением оппозиционного и реформационного движения, а параллельно и, подчас, вопреки им. Модернизации препятствовали не взгляды Николая II, а оппозиция и революция, борьба с которыми отвлекала власть от исполнения реформаторских планов, на что обращал внимание и сам император» [3, с. 56]. Безусловно, недооценка роли императора в принятии политических решений возвращает нас к оценкам, данным в работах нескольких поколений советских историков, работавших в русле официальной идеологии. Но не стоит недооценивать и мнение Николая II, зафиксированное в записи 16 октября 1905 г., после ознакомления с текстом проекта манифеста, подписанного днем позже: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и, в конце концов, случилось неизбежное. Тем не менее, по совести я предпочитаю давать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам, и все-таки прийти к тому же» [11, с. 227].

Достаточно категоричным, на наш взгляд, является суждение о наличии у императора реформаторского проекта консервативно-либерального характера [3, с. 45]. Неподготовленность царя к управлению стала притчей во языцех в суждениях многих его современников, в том числе, и дворян, у которых в сознании образ последнего царя претерпел основательную трансформацию, обретая негативные характеристики на фоне растущего раздражения и недовольства проводимой внутренней и внешней политики [11, с. 227]. Саратовский

дворянин Н. А. Павлов достаточно резко обвинял правительство в том, что «во всем прохождении политического процесса реформ наблюдается отсутствие сколь-либо законченного плана... Власть, занятая разработкой прав возникающих, допускает затрагивать и умалять права уже существующие» [1, с. 1]. Будучи тесно связаны с личностью последнего российского императора, дворяне-консерваторы были ограничены в маневрировании своей политической деятельностью. Нельзя не согласиться с выводом о том, что власть так и не смогла в должной мере использовать интеллектуальный и политический потенциал своих защитников, выдвигавших предложения, способные скорректировать проведение имперской внешней и внутренней политики [8, с. 495-496].

Реализация политического курса была тесно связана с деятельностью исполнительной власти. Вспоминая о своей государственной деятельности, В. Н. Коковцов отмечал: «...В ту пору никакого единения среди министров не было, и каждое министерство представляло собою замкнутое, самодовлеющее целое, которое само ведало делами своего ведомства, внося в высшие органы - Государственный Совет и Кабинет Министров - свои предложения по заключению лишь тех ведомств, которые были в них заинтересованы. Никаких предварительных совещаний или обсуждений не было, за исключением случаев, когда между отдельными министрами существовали личные близкие отношения, которые и использовались, главным образом, для того чтобы провести ведомственную точку зрения или одолеть несговорчивого министра, возражавшего против той или другой меры» [2, с. 44].

Осознание необходимости проведения системных реформ разделялось все большим количеством чиновников министерств в условиях революции 1905-1907 гг. В этих условиях Николаем II был востребован П. А. Столыпин. Обилие монографических исследований, изданных сборников документов, публицистических статей, а также аналитических материалов в рамках подготовки энциклопедии Фондом изучения наследия П. А. Столыпина избавляют нас от необходимости скрупулезного анализа государственной деятельности одного из ведущих реформаторов страны. Ограничимся небольшими характеристиками политической линии главы правительства. Полагаем важным обратить внимание на высказывание одного из современников: «Столыпин был консерватор по всему своему мироощущению, либерал - по своей политической программе, революционер - по месту действий» [4, с. 60].

Деятельность Государственной думы, новые возможности, открывавшиеся перед периодической печатью, потребовали нового стиля деятельности политиков. Помимо выступлений в стенах Таврического дворца, вызывавших неизменный общественный резонанс, П. А. Столыпин приложил большие усилия для налаживания связей и постоянного взаимодействия между законодательной и исполнительной властью, благодаря чему депутаты Государственной Думы и члены Государственного совета были инкорпорированы во властвующую элиту империи [9, с. 74].

Наличие противоречий среди представителей политической элиты, интриги окружения императора, сохранявшаяся опасность радикализма требовали от П. А. Столыпина учета корпоративных, сословных интересов вовлеченных в политику общественных деятелей. Особенно ярко это проявилось во взаимоотношениях главы правительства с местной элитой (представителями дворянской корпорации и местного самоуправления). С одной стороны, взаимодействие правительства с Советом по делам местного хозяйства позволяло достигать позитивных результатов с оппозирующими ей выборными представителями. С другой, - власть могла маневрировать в отношениях с поместным дворянством, представители которого, в свою очередь, вступали в конфронтацию с либеральными политиками [5, с. 305].

Гибель П. А. Столыпина и дальнейшее развитие страны привели к политической стагнации. В дальнейшем ее усиление было связано с отчуждением от участия в активной политической жизни большей части населения, растущей конфронтацией Николая II как с либералами, так и с консерваторами.

Таким образом, была очевидна неустойчивость достигнутых успехов в реализации реформ в условиях сохранения конфронтационности в общественной среде. Сохранялась проблема трансляции либеральных проектов тем социальным стратам, которые были отчуждены от участия в общественно-политической жизни. Наконец, успехи, достигнутые за несколько лет начала XX в., так и не были закреплены в последующем развитии страны, шедшей к общенациональной катастрофе.

Список литературы

1. Доклад уполномоченного Саратовского дворянства и члена Союза Н. А. Павлова. СПб., 1906.
2. Коковцов В. Н. Из моего прошлого (1903-1919). Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004.
3. Куликов С. В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Отечественная история. 2009. № 9.
4. Любимов Д. Н. «Он своей личностью... вернул правительству нравственный авторитет» // П. А. Столыпин глазами современников / под общ. ред. П. А. Пожигайло. М., 2008.
5. Могилевский К. И. Столыпинские реформы и местная элита. Совет по делам местного хозяйства (1908-1910). М., 2008.
6. Опыт российских модернизаций XVIII-XX века / отв. ред. академик В. В. Алексеев. М., 2000.
7. Пожигайло П. А. Столыпинская программа преобразования России (1906-1911). М., 2007.
8. Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
9. Соловьев К. А. Механизмы взаимодействия исполнительной и представительной ветвей власти, 1906-1914 годы // Российская история. 2009. № 9.
10. Уильямс С. Либеральные реформы при нелиберальном режиме: создание частной собственности в России в 1906-1915 гг. М., 2009.
11. Фирсов С. Л. Николай II: пленник самодержавия. М., 2010.

POLITICAL ASPECT OF RUSSIAN MODERNIZATION AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Valerii Yur'evich Karnishin, Doctor in History, Professor
Department of Native History, State and Law
Penza State University
valerykarnishin@mail.ru

The author considers the peculiarities of the political aspect of modernization process in late imperial Russia and pays special attention to the modern approaches and estimations of political process specificity in the context of the country reformation attempts.

Key words and phrases: modernization; Nikolai II; P. A. Stolypin; finances; government; reforms; nobility; entrepreneurs; State Duma; executive power.

УДК 101; 111; 165

Анализируются философские взгляды П. И. Липницкого в вопросе соотношения веры и знания и их роли в миропонимании. Из приведенных высказываний Липницкого становится понятным, что философ не отказывается от помощи веры в научном познании, а настаивает на значении разума в деле веры.

Ключевые слова и фразы: вера; разум; научное знание; наука; религия; научное познание; религиозная вера.

Оксана Михайловна Климова

Кафедра социологии, экономики и философии
Уссурийский государственный педагогический институт
klimova.oksana.1973.@mail.ru

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЕРЫ И ЗНАНИЯ В ТРУДАХ П. И. ЛИПНИЦКОГО[©]

В настоящее время в истории отечественной философской мысли наблюдается значительный рост общественного и научного интереса к истории духовно-академической философской мысли конца XIX - начала XX века. Во время кризиса в обществе повышается интерес к тем духовным и теоретическим основаниям, которые составляют основы цивилизации. История русской философии в этом контексте решает задачу историко-философского осмысления, поиска наших цивилизационных корней. Из этого вытекает стремление к раскрытию внутреннего единства путем исследования разнообразных явлений русской философской мысли в их взаимосвязи, изучения взаимовлияний различных школ, направлений и персоналий отечественной философии.

П. И. Липницкий - один из представителей Киевской школы философского теизма, способный найти ценностные ориентиры в христианской духовной традиции, критичность мысли которого органически объединяется с интеллектуальной толерантностью. Вся его жизнь была тесно связана с Киевской духовной академией. Окончив её в 1856 г. Липницкий не покинул стен академии. Защитив магистерскую, а затем и докторскую диссертации, он стал ординарным профессором академии. В 1892 г. он получил Макарьевскую премию, учрежденную при Киевской духовной академии.

Многочисленные исследователи его творчества обращают внимание на то, что одним из наиболее значимых и важных размышлений философа являются размышления по поводу взаимоотношения веры и разума, веры и научного знания. Среди основных трудов киевского ученого, в которых рассматривался этот вопрос, можно выделить следующие: «Есть ли какая-либо разница между религиозной верой и наукой» (1898), «О православии как истинно-христианской вере» (1897), «Как возможно единство веры и знания» (1890), «Вера и знание» (1889), «Есть ли какая-либо связь между религиозной верой и наукой?» (1898), «Значение философии для богословия: пособие к апологетическому богословию» (1904).

Рассматривая вопросы взаимоотношения веры и знания в труде «Значение философии для богословия: пособие к апологетическому богословию», автор четко разделяет богословие и философию. В этом труде он выступает как философ и богослов одновременно. Философ считает, что между верой как принятием готовой истины и научным исследованием, целью которого является познание этой же истины, разница не абсолютна, а только относительна [1, с. 71]. По мнению философа, вопросы взаимоотношения веры и знания в истории философии существовали и будут существовать не потому, что они неразрывно связаны, а потому, что в разные исторические периоды изменяется сущность этого вопроса. «Вопросы соотношения между разумом и Откровением, знанием и верой, между философией и богословием нельзя выяснить раз и навсегда. Напротив, этот вопрос требует для каждого времени особенного решения, относительно духа этого времени, относительно развития науки, образования, с потребностями и условиями жизни» [Там же, с. 107].

«Сегодня, - утверждает философ, - вопросы соотношения веры и знания приобрели новый вид. Этот вопрос рассматривается теперь не с социально- политической, а с природно-научной точки зрения. Не про